

ФИЛОСОФІЯ И ЖИЗНЬ

(Международный философскій съездъ въ Прагѣ).

Восьмой международный философскій конгрессъ въ Прагѣ 2-7 сентября 1934 г. былъ поставленъ, по желанію его чешскихъ организаторовъ во главѣ съ проф. Э. Радлемъ, подъ знакъ темы «философія и жизнь». По мысли чешскихъ философовъ (представившихъ конгрессу цѣлую программу національно-чешской философіи, подписанную 13 видными именами), философія должна выйти изъ гордаго аристократическаго уединенія, изъ міра отвлеченныхъ понятій и мистическаго созерцанія, и, слѣдуя завѣту Сократа, сблизиться съ интересами народа, практически помогать въ разрѣшеніи насущныхъ вопросовъ общественной жизни (программа чешскихъ философовъ обсуждалась на съѣздѣ и вызвала оживленную и горячую полемику). Практически эта идея сказалась въ организаціи съѣзда въ томъ, что въ центрѣ его стояла чисто политическая тема «Кризисъ демократіи», обсужденіе которой происходило и на одномъ изъ общихъ собраній, и въ специально посвященной ей секціи, въ самой большой аудиторіи философскаго факультета Карлова университета въ Прагѣ, гдѣ засѣдалъ конгрессъ. Кромѣ того, практическимъ задачамъ философіи была посвящена особая секція «Миссія философіи», отчасти и секціи «Философія и религія», «Норма и реальность», «Понятіе цѣнности» и «Педагогика», а также обсуждавшаяся въ общемъ собраніи проблема задачъ социологіи. По сравненію съ этой центральной частью съѣзда чисто теоретическія философскія темы (гносеологія, метафизика, психологія) играли подчиненную роль. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составляла секція «логистики». Она усердно работала все время съѣзда, обособившись сплоченной группой (въ которой главную роль играли поляки) отъ шума и горячихъ дебатовъ съѣзда и живя своей автономной жизнью. (Въ мир-

ную «самодовольно-спокойную» работу сухих «логистовъ», этихъ выразителей крайняго современнаго позитивизма и агностицизма, были однако брошены двѣ эффектныя идейныя бомбы: маститый теперь уже создатель «прагматизма» англичанинъ Шиллеръ въ блестящемъ докладѣ: «Какъ возможна точность?» показалъ, что всѣ усилія логистики разбиваются о фактъ, что мысль всегда выражается въ личномъ и живомъ, а потому неизбѣжно «неточномъ» *словѣ*, а полякъ Романъ Ингарденъ, оперируя методомъ и терминами самой логистики, представилъ очень яркое и убѣдительное сведеніе къ нелѣпости основнаго замысла логистики). «Логисты» рѣзко заявили о своей самостоятельности уже на торжественномъ открытіи сѣзда въ зданіи чешскаго парламента: во время привѣтственныхъ рѣчей представителей національныхъ делегацій, отъ имени «турецкихъ философовъ» выступилъ проф. Рейхенбахъ, нѣмецъ, только что покинувшій (по расовымъ основаніямъ) берлинскій университетъ и получившій кафедру въ Константинополѣ. Онъ бросилъ рѣзкій вызовъ конгрессу, заявивъ, что «турецкіе философы» отрицаютъ всякую философію, кромѣ теоріи науки, ориентированной на точномъ естествознаніи. На знавшихъ обстоятельства дѣла и личность проф. Рейхенбаха это заявленіе произвело нѣсколько комическое впечатлѣніе.

Какъ ни рѣзко расходились между собой интересы «логистовъ» и господствовавшихъ на сѣздѣ сторонниковъ практической жизненной ориентировки философіи, они сходились въ одномъ существенномъ пунктѣ: въ отрицаніи автономныхъ теоретическихъ и духовныхъ задачъ философіи; и въ этомъ смыслѣ совсѣмъ не случайно, а, напротивъ, соотвѣтствовало общему духу сѣзда, что изъ всѣхъ направленийъ теоретической философской мысли доминировала на сѣздѣ именно логистика.

Если сосредоточиться на основной темѣ сѣзда «философія и жизнь», то легко видѣть (и это очень ясно выступило на сѣздѣ), что эта тема и соотвѣтствующая ей тенденція связать философію съ нуждами и потребностями жизни можетъ имѣть два совершенно разнородныхъ и противоположныхъ смысла и направленія, въ зависимости отъ того, что собственно разумѣется при этомъ подъ «жизнью» и ея нуждами. Связь философіи съ жизнью можетъ пониматься, съ одной стороны, какъ нѣкое «обмірщеніе» философіи, какъ отказъ ея отъ присущей ей задачи углубленнаго воспріятія послѣднихъ духовныхъ основъ жизни и какъ приспособленіе ея къ внѣшнимъ практическимъ нуждамъ жизни. Но она можетъ пониматься, съ другой стороны, напротивъ, какъ углубленіе философскаго созерцанія, восхожденіе его отъ сферы отвлеченныхъ

понятій къ конкретной религіозной цѣлостности жизни. Въ первомъ смыслѣ понимаетъ дѣло преимущественно упомянутая программа чешской философіи; однако, одинъ изъ ея авторовъ, организаторъ съѣзда проф. Радль, упоминаетъ въ пригласительномъ циркулярѣ въ этой связи имя *Платона* и идеаль философіи, какъ наставницы и руководительницы жизни — что уже приближается скорѣе ко второму пониманію отношенія между философией и жизнью. Это двѣ совершенно различныхъ постановки вопроса сказались на съѣздѣ — первая преимущественно въ дебатахъ о «кризисѣ демократіи», вторая — въ секціи «философія и религія».

«Кризису демократіи» были посвящены два большихъ доклада итальянца проф. Бодреро и американца проф. Монтэгу, множество секціонныхъ докладовъ и необозримое количество рѣчей участниковъ дебатовъ. По существу эта тема явилась предметомъ скорѣе политическаго, чѣмъ подлинно философскаго состязанія между французами — защитниками демократіи и итальянцами — ея противниками (хотя итальянцы-фашисты и подчеркивали, что крушеніе традиціонныхъ формъ демократіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ торжество общаго принципа демократіи въ его чистомъ и законномъ существѣ). Что касается нѣмцевъ, то они, повидимому, совершенно сознательно уклонились отъ участія въ обсужденіи этой темы. Самый значительный и, пожалуй, единственный подлинно философскій докладъ на эту тему прочиталъ итальянецъ, падуанскій профессоръ Бодреро. Для него кризисъ демократіи есть *выраженіе крушенія просвѣщенія и его оптимистической вѣры въ благостность и разумность челоуька*. И міровая война, и банкротство демократическихъ принциповъ передъ проблемой народнаго хозяйства, и религіозный кризисъ — все это выражаетъ въ конечномъ счетѣ *кризисъ челоуьческой души*, переломный пунктъ между двумя историческими эпохами. Отвергая экономическій матеріализмъ, докладчикъ усматривалъ подлинную основу историческаго процесса въ религіозно-нравственныхъ началахъ; практически основное существо нынѣшняго кризиса онъ видитъ въ томъ, что подъ вліяніемъ оптимистической вѣры «просвѣщенія» начало частной собственности оторвалось отъ принципа отвѣтственности и функціональнаго служенія — потеряло связь съ общественнымъ служеніемъ, которая искони была ему присуща. Нѣтъ надобности быть сторонникомъ фашизма, чтобы признать значительность и правильность основныхъ мотивовъ доклада Бодреро. Содокладчикъ Бодреро, американецъ Монтэгу, не затрагивая совсѣмъ философской проблематики, съ какой то чисто американской наивностью выступилъ съ фантастическимъ проектомъ экспериментальной провѣрки «демократически-капитали-

стического» и «фашистски-коммунистического» общественнаго порядка (любопытна уже наивная упрощенность этихъ понятій, съ которыми оперировалъ докладчикъ): въ «демократически-капиталистическихъ» странахъ должны быть созданы замкнутые, изолированные округа, въ которыхъ должна быть испробована на практикѣ «фашистско-коммунистическая» система. Выступавшіе въ преніяхъ французы — безспорно съ внѣшной стороны самые блестящіе ораторы съѣзда (напр. Башъ и Бартелеми) — апеллировали болѣе къ чувству, чѣмъ къ мысли и частью съ пророческимъ паэосомъ, частью съ остроуміемъ адвокатскаго краснорѣчія исповѣдовали свою традиціонную вѣру въ разумъ и доброту человѣка и народа. Да и вообще пренія по этому вопросу носили скорѣе характеръ политическаго митинга, чѣмъ состязанія философскихъ идей. Быть можетъ, самымъ сильнымъ изъ «демократовъ» на съѣздѣ оказался не професіональный философъ, а политикъ — чешскій министръ иностранныхъ дѣлъ Бенешъ, который въ большой привѣтственной рѣчи при открытіи съѣзда съ большой выразительностью говорилъ о духовныхъ основахъ демократіи, рѣзко подчеркнул «унизительную безпринципность» современной общественной жизни, необходимость и для политика сочетанія практической гибкости съ морально-философской принципіальностью и закончилъ указаніемъ на духовную свободу, какъ незыблемый фундаментъ общественной жизни.

Въ болѣе принципіальной и углубленной формѣ тема «философія и жизнь» обсуждалась, какъ указано, въ секціи «философія и религія» и въ нѣкоторыхъ близкихъ по своей темѣ докладахъ другихъ секціи. Здѣсь также рѣзко столкнулись между собой два направленія: чисто религіозное и «просвѣщенческое». Это разногласіе направленій очень ясно сказалось на пленарномъ собраніи, посвященномъ этой темѣ, именно въ противоположности тенденцій двухъ докладовъ — нѣмецкаго католическаго богослова *Пшивары* и француза *Бруншвига*. По глубинѣ, лапидарности и значительности философской мысли докладъ Пшивары былъ, если мы не ошибаемся, кульминаціоннымъ пунктомъ философскаго съѣзда. Въ краткихъ и вѣскихъ формулировкахъ Пшивара намѣтилъ различіе философіи отъ религіи по предмету, методу и исходной точкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимую *связь* (re-ligio) ея съ религіей и утвержденность въ послѣдней во всѣхъ этихъ трехъ моментахъ. Несмотря на нѣкоторую односторонность томистическаго направленія, раздѣляемаго докладчикомъ (это направленіе исповѣдовалось на съѣздѣ и рядомъ другихъ католическихъ монастырей, изъ которыхъ отмѣтимъ здѣсь интересный докладъ лувэнскаго профессора Ноэля «Идея

христiанской философиi»), Пшиваръ удалось съ большой убѣдительностью показать, что философская интуицiя есть всегда лишь особая — соотвѣтствующая промежуточному положенiю философиi между религiей и мiрскимъ сознаниемъ — проекцiя религiозной интуицiи. Намѣченный Пшиварой синтезъ стремился быть синтезомъ философиi и религiи въ *полнотѣ* той и другой. Въ противоположность ему, Бруншвигъ предлагалъ, въ устарѣвшемъ духѣ идей 19-го вѣка, синтезъ черезъ *умаленiе* и *упрощенiе* — главнымъ образомъ, черезъ «спиритуализацiю» религiи (выраженную между прочимъ въ сочувственномъ цитированiи отзыва Спинозы о Христѣ, какъ о «*summus philosophus*»). Близокъ по духу къ идеямъ Бруншвига былъ и докладъ главы французской делегацiи, *Лаланда*, прочитаннаго въ секции «Миссiя философиi»; намъ, русскимъ, онъ трогательно напомнилъ дни нашей юности своимъ поразительнымъ сходствомъ съ концепцiей Михайловскаго — биологической *эволюцiи* съ господствующими въ ней тенденцiями — борьбы за существованiе и дифференцированiя — былъ противопоставленъ гуманистической идеаль *инволюцiи* — тенденцiя къ солидаризацiи и уравнию.

Въ общемъ, однако, при обсужденiи темы «философiя и религiя» и «миссiя философиi» преобладало направленiе, которое усматривало и сущность философиi, и ея жизненное назначенiе въ религiозномъ обоснованiи и, тѣмъ самымъ, духовномъ углубленiи мiросозерцанiя. Въ лучшемъ смыслѣ слова актуальнымъ былъ въ этомъ отношенiи докладъ католика *Шевалье*, профессора Гренобльскаго университета объ «абсолютизацiи челоука, какъ духовной причинѣ современнаго разброда» содержащей яркую критику секуляризованно-гуманистическаго мiросозерцанiя, диалектически приводящаго къ уничтоженiю истинной цѣнности и истиннаго достоинства челоуческой личности. Ту же идею религiозной антропологiи талантливо развивалъ молодой мюнхенской профессоръ *Зейфертъ* въ борьбѣ съ бартианствомъ (которое на съѣздѣ совсѣмъ не было представлено) съ атеистической экзистенциальной философiей Гейдеггера и съ неоромантикой Клагеса (возстающей противъ «духа» во имя иррациональной «душевности» — тенденцiя очень модная въ современномъ нѣмецкомъ националь-социализмѣ). Русские докладчики — Лосский, Гессенъ и пишущий эти строки *) — не сговариваясь между

*) Кроме нихъ на съѣздѣ присутствовали изъ русскихъ еще проф. Лапшинъ, Спекторский и Яковенко. Советские русские философы подъ благовиднымъ предлогомъ отказались прибыть на съѣздъ. Очень ощутительно для русскихъ делегатовъ было отсутствiе русскихъ философовъ, проживающихъ въ Парижѣ.

собой, развивали въ разныхъ аспектахъ, въ сущности, одну общую идею истины, какъ всеобъемлющей полноты и всеединства — Лосскій въ докладѣ: «Христіанское міросозерцаніе, какъ всесторонній синтезъ», Гессенъ въ докладѣ: «Цѣльность, какъ основной принципъ педагогики» и пишущій эти строки въ докладѣ: «Духовно-жизненное значеніе отрицательнаго богословія». Четвертый русскій докладчикъ молодой русскій философъ Г. Катковъ также говорилъ на религіозно-философскую тему: онъ развилъ очень интересныя — одинаково далекія и отъ рационалистическаго оптимизма и отъ метафизическаго пессимизма — мысли къ проблемѣ теодицеи. Особнякомъ отъ этой линіи русской религіозной философіи хотѣлъ выступить Б. В. Яковенко; его докладъ: «Оправданіе атеизма» ожидался съ большимъ интересомъ многими членами съѣзда — въ особенности нѣмцами, — но не состоялся по техническимъ причинамъ. Къ религіозно-духовной философской линіи въ извѣстной мѣрѣ примыкалъ и блестящій докладъ Николая Гартмана о проблемѣ цѣнности, въ которомъ онъ съ помощью тонкаго логическаго расчлененія понятій показалъ примиримость абсолютнаго значенія нравственныхъ идеаловъ и цѣнностей съ относительностью ихъ реальной значимости въ зависимости отъ историческаго состоянія и актуальныхъ духовныхъ нуждъ человѣчества въ разныя эпохи. Въ этой связи нужно упомянуть еще о чрезвычайно интересномъ и значительномъ «посланіи» съѣзду престарѣлаго Гуссерля, котораго организациія съѣзда просила — за невозможностью его личнаго пріѣзда письменно высказаться о «миссіи философіи въ наше время». Въ этомъ посланіи Гуссерль съ большимъ достоинствомъ и большой духовной углубленностью говоритъ о современномъ разбродѣ и философскихъ мнѣній, и общественнаго сознанія, считаетъ непосредственное соглашеніе между философскими направленіями и потому и непосредственное воздѣйствіе философіи на общественное мнѣніе въ настоящее время невозможнымъ и призываетъ философовъ, каждаго на избранномъ имъ пути, къ независимому углубленному созерцанію, къ свободной и напряженной внутренней работѣ мысли, которая въ свое время должна принести свои плоды для общихъ нуждъ человѣчества. — Основное разногласіе мнѣній въ современной философіи, подъ знакомъ котораго стоялъ съѣздъ, сказалось и въ томъ, что этому посланію Гуссерля противостояло аналогичное посланіе тоже престарѣлаго и авторитетнаго нѣмецкаго социолога Тенніеса («notre admirable Toennies» — какъ на съѣздѣ выразился о немъ Бруншви́гъ), которое — наряду со смѣлой по новѣйшимъ условіямъ нѣмецкой жизни политической критикой «цезаристскаго единодержавія» и провозглашеніемъ незыблемости либеральныхъ

началь — кульминировало въ прославленіи *позитивизма*, какъ панацеи отъ господствующей духовной смуты.

Подводя общіе итоги пражскаго международнаго философскаго съѣзда, можно сказать, что онъ врядъ ли оправдалъ надежду его организаторовъ, что міровая философія скажетъ свое авторитетное слово къ умиротворенію современной общественной и духовной смуты. Принятая въ заключительномъ общемъ собраніи резолюція американца Монтэгу о необходимости свободы мысли и вѣры была скорѣе политической демонстраціей, чѣмъ выраженіемъ философской мысли и въ силу неопредѣленной общности своей формулировки имѣла мало цѣнности. Съѣздъ, какъ и можно было ожидать, былъ просто парламентомъ философской мысли, — вѣрнымъ отраженіемъ господствующей духовной и умственной смуты. Очень ярко проявились на немъ своеобразныя національныя традиціи разныхъ странъ: если хозяева съѣзда, чехи, выразили свое национально-философское *credo* въ особой, упомянутой выше программѣ, то делегаты другихъ странъ, не сговариваясь между собой, выявили на практикѣ философскій ликъ своихъ национальностей. Такъ, очень ярко сказалась вѣрность французской мысли ея исконному рационализму; нѣмцы солидностью и глубиной своихъ мыслей показали, что они попрежнему остаются народомъ философовъ (единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи былъ чрезвычайно поверхностный и туманный докладъ въ общемъ собраніи *Гельнаха* на политически модную тему о «народѣ и народности», какъ центральномъ предметѣ социологій); чрезвычайно благоприятное впечатлѣніе независимостью и серьезностью мысли произвели итальянцы (хотя ожидавшіеся на съѣздъ столпы итальянской философіи Кроче и Джентиле не пріѣхали), въ лицѣ проф. *Орестано* подчеркнувшіе демонстративно при открытіи съѣзда свободу философской мысли въ фашистской Италіи; солидность философской мысли (и вмѣстѣ съ тѣмъ и ея связь съ нѣмецкой мыслью,) показали голландцы; поляки, какъ указано, доминировали въ области «логистики» — и вмѣстѣ съ тѣмъ представили глубокія духовныя традиціи своей мысли въ лицѣ маститаго спиритуалиста Лютославскаго и симпатичнаго философа искусства Татаркевича; совѣтско-русская философія съ особенной убѣдительностью продемонстрировала свое банкротство своимъ отсутствіемъ на съѣздѣ, тогда какъ независимой русской философіи, численно недостаточно полно представленной на съѣздѣ, удалось, кажется, не безъ успѣха выявить исконныя религіозныя традиціи русской мысли. Менѣе всего выявила себя на съѣздѣ (за предѣлами темы о «кризисѣ демократіи») англійская и американская философія. Наряду съ национальными группами, ярко обнаружива-

ла свое своеобразіе — и, надо признать, свою духовную значительность въ современной философіи — *католическая* группа.

Надъ этой національной (и вѣроисповѣдной) дифференціаціей возвышалась, однако, и покрывала ее группировка по двумъ указаннымъ выше направленіямъ въ пониманіи основной темы съѣзда — отношенія между философіей и жизнью. Сторонники каждаго изъ обоихъ направленій — которыя можно условно назвать утилитарно-гуманитарнымъ и религиозно-философскимъ — солидаризовались между собой поверхъ національныхъ и вѣроисповѣдныхъ границъ. Само собою разумѣется, что ни одному изъ этихъ направленій не удалось переубѣдить другого; но само ихъ столкновение было чрезвычайно поучительнымъ, выявило самое глубокое средоточіе нынѣшняго философскаго разногласія, и въ этомъ смыслѣ съѣздъ можно признать вполне удавшимся.

С. Франкъ.